

Хозяйка Ледяных Пустошей

– Ещё немного потерпи, – уговаривал Грей. – Скоро мы дойдём до границы, а там уже до Великих Равнин рукой подать.

Вереника только кивала. Сжавшись в комок, она тщетно пыталась сохранить остатки тепла. Губы её побелели и не слушались, лицо превратилось в неподвижную маску. Ресницы и выбившаяся из-под шапки чёлка выбелил иней.

– Мы прошли уже больше половины пути, – продолжал Грей.

Он обнял девушку так крепко, как только мог. Закрыв глаза, чтоб не видеть её мучений. Знал же, что нельзя тащить её с собой через Ледяные Пустоши! Пусть война, но дома Ника всё равно оставалась бы в куда большей безопасности. В тепле, у родного камина, в окружении близких... А здесь никто и никогда не найдёт двоих замёрзших насмерть безумцев, рискнувших бросить вызов самим Пустошам! Пеший переход через них считался чистым самоубийством.

– Не пройдёт и недели, как мы выйдем к перевалу, а сразу за ним – Равнины. Представляешь? Мы построим дом с огромными окнами, и в них будет заглядывать солнце. Оно будет целыми днями за нами подсматривать.

Вереника снова кивнула, медленно и сонно. Наверное, не верила ему – Грей и сам с трудом представлял себе их будущее. Жизнь замкнулась на крошечном пятнышке – здесь и сейчас. Он видел только политые лунным серебром хребты, бесконечно далёкие и неприступные. Они словно насмеялись над путниками, сверкая седыми вершинами.

Ледяные Пустоши представляли собой огромную чашу, опоясанную кольцом гор. К ним вёл только один верный путь, пробитый напрямую сквозь скалы ещё до того, как опустились холода. Второй путь, выводящий к Равнинам, давным-давно забросили, он считался утраченным. Древние манускрипты говорили, что прежде эти земли были зелены, расчерчены лентами горных рек и заселены народом. От них всех давно не осталось никаких следов.

– Скоро всё закончится, – в который раз повторил Грей.

Подходил к концу десятый день их пути. На закате беглецы остановились на привал. Если первые ночи они шли без остановок, то с каждым днём силы иссякали. Остановки становились всё дольше, пуститься в путь после них удавалось всё с большим трудом.

Заканчивалась еда. Они даже не предполагали, что взяли так мало. В тот момент главным было успеть проскочить мимо всех патрулей и выскользнуть за черту города, а потом пробраться к тоннелю сквозь скалу. Опьянённые собственной дерзостью, беглецы не задумывались над тем, что их ждёт в пути. Теперь же...

Крошечная палатка горбилась за их спинами, но лезть внутрь не хотелось. Она не предназначалась для подобных путешествий, была тонкой и совсем не сохраняла тепло. Порой казалось, что под открытым небом даже теплее, чем в тесном пространстве походного жилища.

Кубики прессованных дров бездымно тлели, не давая ни света, ни тепла. Котелок висел совсем низко, но снег в нём не думал таять. Бледные отсветы огня играли в прозрачных кристалликах, заставляя те вспыхивать золотыми искрами. Их повторяли звёзды – рассыпались по безбрежному океану морозного неба колючими глазками-льдинками.

– Ты всё ещё не слышишь их, верно? – спросила Вереника. – Они крадутся за нами от самого тоннеля. Воют по ночам... Так страшно воют...

Грей поднял голову, прислушался – стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием костерка. Вдалеке, над западным хребтом, за которым остались родные земли, виднелась крошечная светящаяся точка, отсюда похожая на пронзительно алую звезду, – это пограничный патруль совершал рейд над самыми скалами, вылавливая неосторожных беглецов.

– Если нас поймают, то убьют,- прошептала девушка. Она тоже следила за медленно движущейся алой точкой.

– Не поймают, – заверил её Грей. – Патруль никогда не заберётся так далеко.

Порыв ветра швырнул в глаза холодное крошево, заставил отвернуться и плотнее прижаться друг к другу. Грей на секунду отпустил девушку, но лишь за тем, чтоб поправить её шапку, а потом снова прижал к себе. Даже в варежках из толстой шерсти, руки потеряли чувствительность, пальцы едва слушались. Хотелось стащить варежки и протянуть руки к костру, но парень понимал, насколько это бесполезно.

Вереника тихонько сопела, погружаясь в зыбкое беспмятство, так похожее на сон. В первые дни Грей тормозил её, страшаясь, что однажды не сможет разбудить, но постепенно пришёл к выводу – так она спасалась от холода и страха. И только ради этого стоило отпускать её, пусть ненадолго, в обитель грёз.

– Иди в палатку, – прошептал он, прикоснувшись губами к её виску. – Я уже постелил одеяло.

Она отрицательно помотала головой. Конечно, ни за что не полезет в эту нору без него. Впрочем, оно и к лучшему.

– Сегодня они ближе... – Голосок Ники едва получилось разобрать. – У них мягкие лапы... они не оставляют на снегу следов... они сами – снег...

– Кто? – переспросил Грей. Он не раз слышал от неё это загадочное «они», но так и не понял, о ком идёт речь.

Впрочем, догадка была. Старая-старая легенда, больше похожая на выдумку...

– Я слышу их...- пробормотала Вереника, погружаясь в забытьё. – Идут за нами...

Много веков назад, так давно, что даже горы забыли о тех событиях, на берегу реки жило маленькое племя. Люди этого племени поклонялись своей Богине – великой Матери-Волчице. В центре их поселения стоял идол, изображающий Богиню, и каждое утро возле него зажигали высокие факелы, а каждый вечер тушили их – люди верили, что по ночам Волчица отправляется на охоту. Помешать Ей означало навлечь несчастье на всё селение, и поэтому после заката никто не смел покидать своё жилище.

Однажды на это племя напали дикие кочевники. Они появились среди ночи, бесшумно, как призраки, и успели убить почти всё племя до того, как поднялась тревога. Дочь вождя племени успела выскочить из дома перед тем, как горящая крыша рухнула, погребя под собой её родных, и бросилась к Богине, моля ту защитить народ. Разгневалась Мать-Волчица и обрушила на земли суровый мороз, миг превратив зелёные леса и стремительные реки в ледяную пустыню. А тех из племени, кто выжил при нападении, она превратила в снежных волков во главе со своей преемницей Волчицей – дочерью вождя. И велела мстить всем, кто посягнёт на владения стаи.

Дочь вождя повела своих волков, они напали на кочевников и убили всех мужчин от мало до велика. Мсть свершилась, но дочь старейшины не успокоилась и поклялась перед Богиней, что убьёт любого мужчину, который осмелится вступить во владения стаи. Та приняла клятву.

С тех самых пор ни один путник не смог пройти Пустошь.

Языки пламени взметались к самому небу, вырываясь прямо из-под снега, и тут же опадали. И взметались снова, словно по воле незримого факира. Низкие облака полыхали багровыми переливами; порой они расходились и показывалась нестерпимо жёлтая луна. Снег под её лучами с треском проседал, покрываясь ноздреватыми язвами. В воздухе кружились хлопья пепла, дымная горечь забивала лёгкие.

Ника огляделась по сторонам. Да, это было место их стоянки. Вот кострище с котелком – воду добыть так и не удалось, вот палатка. Замок приоткрыт, и внутри виднеются двое, прижавшиеся друг к другу. Длинноногий Грей свернулся калачиком,

голова девушки покоится у него на плече, и её волосы закрывают часть его лица. Даже во сне они не разнимают объятий. Дыхание клубится у них перед лицами...

Ника отошла на пару шагов от палатки.

Волки лежали чуть в стороне. Здоровенные зверюги, чья белоснежная шкура помогала им сливаться со снегом. Их дыхание не клубилось перед мордами, такое же холодное, как и окружающий воздух. Они не нападали на людей, просто ждали, караулили – с момента, когда те впервые ступили на Пустошь.

И стоило уснуть, как Ника видела их, снова и снова возвращалась под багровое небо к стае. В реальности же только слышала вой в ночи, щемящую песнь как дань темноте.

Девушке навстречу поднялась Волчица. Её шерсть в неверных всполохах переливалась медью, лоб пересекала чёрная стрела. Хищница подошла совсем близко, так что при желании Ника могла коснуться её морды. Их глаза находились на одном уровне – тёмно-карие и льдисто-голубые.

«Ты же понимаешь, что не сможешь защитить его», – произнесла Волчица. Ника уже привыкла к её манере говорить, не раскрывая пасти. Хрипловатый, низкий голос гипнотизировал, не давая сосредоточиться ни на чём ином.

– Ты это уже говорила и знаешь мой ответ, – ответила Ника, с трудом ворочая вмиг потяжелевшим языком. – Я его не отдам.

«Смешная девочка, твоё слово не имеет никакого значения».

– Тогда зачем ты вообще говоришь со мной? Почему не велишь стае напасть сейчас, пока мы спим?

От одной мысли, что волки нападут на них спящих, беззащитных, девушку захлестнул ужас. Сердце на миг сбилось с ритма, будто споткнулось. Но, взяв себя в руки, она выдержала пристальный взгляд собеседницы.

Волчица сделала мягкий шаг к палатке, и Ника повторила её движение – столь же плавно, так же не оставив отпечатка на снегу. словно танец двух теней, они двигались бесшумно, с видимой неспешностью, несмотря на то, что каждая готова была совершить бросок. Ника понимала, что ей нечего противопоставить волчице, но не отступала ни на миг.

«Упрямица! – прошипела хищница. – Просто отойди в сторону, и тебя не тронут».

Пламя взметнулось между ними, на миг отрезав противниц друг от друга. Ника прыгнула в сторону, ещё ближе к палатке, и почувствовала вонь подпалённой шерсти. Значит, её сопернице досталось по холёному боку!

– Только попробуйте приблизиться!

Откуда-то она знала, что сможет противостоять целой стае. И волки тоже это знали. Поэтому не нападали, поэтому шли следом и выжидали. Чего?

– Убирайтесь прочь, вы его не получите. Никогда!

Волчица оскалилась, из её глотки донёсся едва различимый рык.

«Посмотрим, дитя. Посмотрим».

Вой выдернул её из сна. Вереника беспокойно поёжилась и прижалась плотнее к любимому. Сон таял, уже через секунду девушка не могла сказать, что именно ей привиделось. Но страх леденил сильнее ветра, проникающего в щель неплотно закрытой палатки. И вой – полный нечеловеческой тоски, он словно выворачивал душу наизнанку.

– Оставьте нас в покое, – прошептала она, едва шевеля губами. Одеревеневшее тело не желало подчиняться, а в руках Грея было так хорошо. – Не отдам тебя, мой хороший. Никому не отдам...

Воздух посерел в предчувствии скорого рассвета.

Вой не прекращался, но становился всё глуше. Их преследователи отступали. Снова.

Мать плакала, скорчившись в кресле. Худые плечи мелко вздрагивали в такт рыданиям. Грей никогда не видел мать плачущей, и страшнее зрелища ему видеть не

доводилось. Надо было подойти, утешить, но он не мог заставить себя пошевелиться. Стоял в дверях и смотрел на её плечи – такие беззащитные.

«Что случилось?» Обычный вопрос, самый разумный, но задавать его не хотелось. И слышать ответ тоже не было желания. Грей его знал – лист бумаги, стиснутый в материнском кулаке, был красноречивее любых слов.

Война.

Она докатилась до их тихого городка.

Она докатилась до их дома.

Она докатилась до него самого.

Грей вцепился в косяк, едва сдерживаясь, чтоб немедленно не броситься бежать. Куда угодно, только подальше от этого дома.

Почувствовав его взгляд, мать обернулась. Всхлипывания тут же смолкли, только дрожали крепко поджатые губы. Сильная женщина, сейчас она стыдилась своих слёз. На лице была написана борьба с самой собой – та битва, которую она уже проиграла.

– Куда? – только и смог выдавить Грей.

Вместо ответа она протянула ему смятый лист. Не чувствуя ног, парень подошёл.

«Военным ведомством... в связи с обострившейся обстановкой... явиться на призывной пункт... западное плоскогорье... нуждается в каждом солдате...»

Строчки прыгали перед глазами, но и того, что удалось прочесть, хватило для понимания.

Западное плоскогорье – земли, захваченные противником. Там проходили самые тяжёлые бои, туда посылали всех – и никто не возвращался.

Мать плакала беззвучно, прижав к губам кулаки.

– Хватит, – прохрипел Грей. Слова ободрали пересохшее горло. – Ты ещё успеешь меня оплакать.

– Сынок...

Но он не слышал. Выскочил из дома, хлопнув на прощание дверью. Бездумно бежал по непривычно пустынным улицам, стискивая проклятую повестку. Стояла тишина, только ветер ерошил по-осеннему хрупкую листву, и город тонул в расплёсканном небе мостовых.

Больше Грей домой не возвращался...

– Нам не оторваться.

Грей обернулся. Девушка остановилась в двух шагах позади него и смотрела в сторону. Ветер трепал выбившиеся из-под шапки волосы. Её обветренные губы сжались в упрямую полоску.

– Ника, не останавливайся. – Грей хотел попросить, но получился приказ. Он поправил лямки тяжёлого рюкзака – даже сквозь плотную ткань куртки они натирали плечи.

Вереника не двинулась с места, продолжая смотреть куда-то в пустоту. Грей почувствовал, как внутри рождается глухое бешенство.

– Нам надо миновать первые скалы до наступления темноты, – процедил он сквозь зубы, изо всех сил стараясь не сорваться.

Но Ника покачала головой и усмехнулась – неожиданно жёстко. Зубами стащила перчатку, зачерпнула белыми, отмороженными пальцами горсть снега и принялась комкать.

– Сегодня они нападут. Неужели ты не понимаешь? Нам не дадут подняться в горы.

– Кто «они»? – Грей стиснул кулаки.

«Спокойно, спокойно, спокойно...» – твердил себе мысленно.

– Они!

Коротко размахнувшись, Вереника швырнула снежок, и тот, пролетев десяток метров, разлетелся мелким крошевом о невидимую преграду.

– Вам не на что надеяться! – выкрикнула она. – Я его не отдам!

Грей в два прыжка оказался рядом с девушкой и развернул к себе лицом. Ника была бледна, как полотно, но никогда он не видел у неё такого взгляда. Нежность мешалась в нём с безграничной решимостью.

– Там никого нет, Ника, слышишь? Там никого нет! Пожалуйста, нам надо идти!

Она обернулась через плечо и медленно кивнула. Грей осторожно надел перчатку ей на руку. Он старался не напугать её, хотя... да что там, сам был до чёртиков напуган.

– Мы сможем, – шепнул он.

Вереника снова кивнула. Кажется, не поверила, но на лице появилась усталая улыбка. Грей хорошо знал эту улыбку. «Я пойду за тобой до конца», – говорила она.

Ветер поднимал облака снежной пыли; над головой, опираясь на горные пики, собирались небесные воинства. Стремительно темнело, хотя день едва перевалил за середину.

До скал оставалось совсем недалеко. Грей считал, что среди них проще укрыться от непогоды. Не дожидаясь, пока Вереника соизволит пошевелить ногами, он схватил её за руку и потащил за собой. Злость на себя, на неё, на проклятые Пустоши добавляла сил, и казалось, не было долгих дней пути, не было голода, бесконечных ночей, когда в тишине мерещились осторожные шаги – словно кто-то осторожный бродил вокруг палатки... Нет, всё это бред! Глупые сказки для детишек. Реальность – вот она! Война, оставленная позади вместе с отчим домом, жестокий холод, ветер в лицо, бесконечно усталая девушка...

– Не отставай! – прикрикнул Грей.

Что ответила Ника, он не услышал...

Когда повалил снег, они были в нескольких километрах от скал. Мир сразу съёжился до пяточка в пару шагов, ветер сбивал с ног. Ника едва передвигала ноги и думала только о том, чтоб не упасть. Грею и без того приходилось тащить её за собой.

Начало клонить в сон. Ника боролась из последних сил, но стоило прикрыть глаза, как чувствовала его тёплые объятия. Где-то совсем рядом потрескивал смолистыми дровами костерок, доносился запах горячей мясной похлёбки... завеса снегопада раздвигалась, а за ней прятался совсем другой мир... и только бились о тучи языки пламени да танцевал пепел, покрывая землю седым одеялом...

Рывок выдернул её из уютной дрёмы. Ника застонала, не услышав за рёвом непогоды собственного голоса. Вокруг, куда не посмотри, простиралась крутящаяся, воющая мгла. Вот только сквозь неё девушка могла рассмотреть силуэты преследователей. Метель ткала волчьих шкуры, сквозь круговерть мелькали налитые охотничьим азартом глаза. Стеклянно-голубые глаза Волчицы.

– Надо ставить палатку! – проорал Грей, остановившись. Он по колено провалился в рыхлый снег, и с каждой секундой погружался всё глубже.

Отпустил руку спутницы и принялся стаскивать рюкзак.

– Нет! – Ника повисла на его руке. – Нет, надо идти!

– Мы заблудились, надо переждать!

Но времени не было, волки смыкали кольцо. Куда ни поворачивалась Ника, везде видела их силуэты.

Она развернула парня к себе и обняла. «Я пойду за тобой до конца, – говорило это объятие. – До самого конца, и даже ещё дальше. Я пойду за тобой».

– Как же я тебя люблю... – пробормотала она.

Первый удар опрокинул людей на снег; Грей почувствовал, что правую руку окатило болью. Куртка оказалась порвана, ткань начала набухать кровью. Он закричал, больше от неожиданности, и навалился на Веренику, укрывая её своим телом. В тот же миг невидимый противник рванул его повторно, на сей раз выдрал клоч куртки у самого горла.

Третья атака - клыки невидимки сомкнулись на плече, хрустнула ключица... И тут же хватка пропала. Грей стащил варежку и прижал ладонь к ране – между пальцами немедленно просочились алые струйки.

Девушка что-то невнятно закричала, но вой метели и грохот собственного пульса перекрывали все остальные звуки... А потом затихла.

– Ника...

Грей пристал и перевернул её лицом к себе. Кожа девушки была облеплена снегом, остановившийся взгляд почерневших глаз уставился в пространство. Стоило чуть приподнять тело – и голова тряпично запрокинулась.

– Нет, нет, Ника... посмотри на меня, солнышко... Посмотри... ну же, ну же, ну же...

В груди всё разлетелось в клочки, словно невидимые когти разодрали сердце, и горячая кровь разлилась вокруг. Немые пальцы беглеца скользили по коже любимой, оставляя красные разводы, теребили, трясли, мяли... А она смотрела в небо...

Что-то коснулось его раненного плеча. Грей поднял голову и увидел прямо перед собой волчью морду. Он шарахнулся назад, прижав к себе тело Вереники, в горле умер крик...

В следующий миг рядом никого не было.

«Я пойду за тобой до конца, Грей».

Ника смотрела, как он обнимает безжизненное тело. Смотрела из шкуры волчицы, стеклянно-голубыми глазами.

В этом мире не было метели – кружился пепел, огненные столбы подпирали небо и жёлтая луна скалилась в разрыве облаков. От реальности остались только парень и тело девушки – то ли мёртвой, то ли просто уснувшей.

Ника ткнулась носом в плечо Грея – посмотри, я жива, я здесь! И тут же пожалела, увидел его страх. Да, правильно, всё изменилось...

Она развернулась, встала между парнем и хищниками. Так привычно двигаться, не проваливаясь, не оставляя на серой глади следов. Ника ощерилась, давая понять, что никого не подпустит к человеку.

Стая отступила. Остались лишь Волчицы – стояли друг напротив друга, глаза в глаза. Похожие, как отражения.

«Глупая девочка. Тебе не побороть меня в поединке».

«Это мы сейчас и проверим!»

Ника прыгнула...

Веером брызнула первая кровь...

«Я буду с тобой до конца».

Хватило одного лишь желания, чтоб метель в реальности стихла.

Ника смотрела, как Грей укутывает в палатку тело своей спутницы. Одна его рука едва двигалась, снег украшали рубиновые кристаллы. Она хотела бы вернуться и перевязать рану. Она просто хотела быть с ним рядом – но не могла. Победив в поединке, лишила себя обратного пути.

У снежной стаи появилась другая Волчица.

Волчица провожала взглядом пошатывающегося путника до тех пор, пока он не миновал перевал – границу, на которой заканчивались её владения. Она провожала его до самого конца, днём шла следом, а ночами лежала рядом. Она хотела запомнить его до последней черты, и долгими часами вглядывалась в осунувшееся лицо, впитывая его в себя до последней чёрточки.

И вот теперь он уходил дальше, а она оставалась.

Там, за перевалом, было тепло. Существо, сотканному из снега, вход в те земли был запрещён.

Волчица подняла морду и завывала. Сначала тихо, вплетая в голос непролиту боль, но потом всё громче и требовательнее. Её ждала стая. Её – новую хозяйку Ледяных Пустошей.